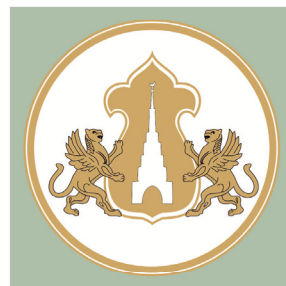

History and society

Тарих һәм жәмгыять

История и общество

THE PRUSSIAN TATARS: MIGRATION AND TRANSFORMATION PROCESSES IN THE PRUSSIAN ARMY IN THE EARLY MODERN PERIOD (1795 – 1800) AND THE ROLE OF THE LIPKA TATARS^{1, 2}

Stephan Theilig,

Brandenburg-Preußen Museum,
Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies
(Berlin-Magdeburg) (ICATAT),
Eichenallee 7a, 16818 Wustrau, Germany.
stephan-theilig@web.de

The knowledge of resettlement history of separate individuals and small groups of Brandenburg-Prussia Muslims³ who were either deported or migrated voluntarily, contributes to a new understanding of the processes of oriental borrowings in German. It also provides the foundation to studies of the lives of those Muslim soldiers who served as “foreigners” in military units of “Bosniaks” or “Tatar regiments”. Some of them lived with families, while others set up new families in the garrisons. The article is aimed at thorough and systematic description of Muslim soldiers’ resettlement in Brandenburg-Prussia.

Key words: Brandenburg-Prussia, Prussian army, Muslim soldiers, Lipka Tatars, migration, Muslim colonies.

¹ Lipka Tatars, Lipki (Polish-Lithuanian or Belarusian Tatars) are an independent ethno-territorial community of Tatars residing in Belarus, Lithuania, Poland and some other countries (Translator's Note).

² The article is based on the report of the same title made at the conference “War, Military Men and Mobility from Antiquity to Present Days” organized by the Committee for the Study of Military History in cooperation with the Institute for Migration and Intercultural Studies of the University of Osnabrück. The manuscript of the article also includes the materials of our thesis “Socio-cultural ties, intercultural transformations and transformation processes in the history of the Turks, Moors, and Tatars as forced migrants in Brandenburg-Prussia in the 18th century”. This thesis was accepted for consideration and successfully defended at the Faculty of Arts-II, Berlin University named after Humboldt on February 19, 2013, and published by the publishing house “Frank and Tim” in Berlin. Theilig, Stephan. *Türken, Mohren und Tataren: Muslimische (Lebens-)Welten in Brandenburg-Preußen im 18. Jahrhundert (Kulturen – Kommunikation – Kontakte)*. Berlin: Frank&Timme 2013).

³ Brandenburg-Prussia (German Brandenburg-Preußen) - German principality, created in 1618 by unifying the Margrave of Brandenburg and the Duchy of Prussia (Translator's Note).

As a result of the dominant modern perspective, the eastern part of Europe and the Muslims residing there for centuries, are often deprived of the world's attention. I do not mean the Europe within the territory of the European Union, but the territory inclosed by the geographical boundaries of the Urals and the foothills of the Caucasus. The so-called Besermen (Busurmen), who were Muslim merchants from Central Asia, settled in Hungary in the 9th century.

From the 13th century, the Turkish-Tatar communities, based in the settlements of prisoners of war in disintegrated European-Muslim Empire of the Golden Horde, moved to different regions in Lithuania, Poland, Belarus, Ukraine, and Romania. These resettlements initiated internal European migration of the Tatars, and in the 19th century, the migrants reached Latvia, Estonia, and Finland.

The fact that there were prerequisites for the first settlements of Muslim Tatars on the territory of Brandenburg-Prussia is proved by the famous quotation of Frederick II, which he made at the very beginning of his reign:

“All religions are equal in the rights and have equal claims to their existence, if their adherents are honest people. If the Turks and pagans arrived with the desire to live in our country, we would build mosques and prayer houses for them”.⁴

Until now, this statement has been cited as a proof of Frederick's II tolerance to other religions, especially Islam. But this quote is nothing but an ordinary declaration of will without any practical implementation.

However, we believe that after 1760 it was the relationship with the Tatars and the Ottoman Empire that led to the period of intensive implementation of Friedrich's plans for annexation of new territories and expanding the borders of West Prussia as a result of the First Polish Partition in 1772.⁵ During elaboration of these plans, there were a number of attempts made to find Polish-Latvian-Tatar families and like former colonists, such as Huguenots and immigrants from Salzburg and Bo-

hemia, they were to settle in newly established colonies. There they were expected to live and cultivate land. At the same time, they had to form a canton for recruiting soldiers. Thus, Frederick tried to get a double benefit from these settlements. On the one hand, lands would be cultivated, on the other hand, a growing population would provide an increasing number of potential soldiers and taxpayers.

The first proposal for a purposeful organization of a Tatar settlement apparently belongs to Frederick II. In June 1775, just thirty-five years after his famous appeal, he wrote to his minister and governor Gaudi⁶, who was in charge of West Prussia, that near Inowroclaw there were many marshes and places quite suitable for land reclamation and settlements.

He wanted to see if the Tatars, living close to the Polish-Prussian border, would move into this region. During the war, they could be drafted into the military service⁷. Frederick persistently emphasized his intention to settle Polish-Lithuanian and Lipka Tatars in West Prussia and specified this idea in the following important conclusion: “I want to build mosques for them, provide them with all kinds of protection and treat them in the same way as all my other subjects”.⁸ Later, in his letter to Gaudi, Frederic expressed his wish even more specifically. At that time, the king wanted to create an ethnically homogeneous Tatar and Muslim settlement, “and Germans were to be settled in the same district.”⁹

By coincidence, a Tatar officer, named Zacharias Murza Baranowski,¹⁰ visited Frederick at that time. He proposed that the king should create a Tatar regiment and deploy it in Brandenburg-Prussia. This proposal strengthened Frederick's in-

⁴ An entry in the margin of the General Administration's urgent report about the petition of June 15, 1740, from a Catholic, living in Frankfurt on Odra, with a request to be granted citizenship: Max Lehmann, Prussia and the Catholic Church from 1640 onwards. Based on the materials of Secret State Archives. Part 2. 1740-1747, Leipzig, 1881, p. 3.

⁵ See Friedrich's relations with the rulers of the Ottoman Empire, in particular, in the works of Sh. Tailig [Tailig, 2008], K. Pröll [Proyel, 1986], R. Porsche [Porsche, 1986]).

⁶ Leopold Otto Freiherr von Gaudi (1728-1789) was a secret secretary of state and military council, vice-president of the Chief Financial, Military and Domain Administration, and also head of the Department of Eastern and Western Prussia and Lithuania [Leopold von Zedlitz-Neukirch, p. 217]

⁷ Frederick's letter to Gaudi of 7.6.1775 in Rudolph Stadelmann, Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landescultur. 2. Teil: Friedrich der Grosse, Leipzig 1882, p. 408.

⁸ The letter of Friedrich to Gaudi of 7.6.1775, *ibid.*, p. 408

⁹ The letter of Friedrich to Gaudi of 7.6.1775, *ibid.*, p. 416

¹⁰ Zacharias was the brother of Janusz Murza Baranowski, a Tatar colonel who headed the Tatars in the Bosnian Regiment since 1795 and held talks on organizing a settlement of the Tatar families.

tention and he wrote to Gaudi ordering to collect Tatar families together and enhance the advancement of the Tatar settlement project in every way¹¹.

Apparently, the king regarded his decision made in response to Baranowski's proposal as being very advantageous both for him and the Tatars and constantly emphasized the following point: "I will allow them to build mosques and take them all under my protection"¹².

However, the project had to be suspended in the spring of 1776, as the recruitment was unsuccessful, and the number of Tatar families was insufficient to settle a colony. Friedrich considered this project of the settlement as an educational one. The Tatars were supposed to be guided by the example of a more developed province, located around their settlement. However, Frederick intended to educate not the whole of the Tatar community, but only its part, living in a limited autonomous and homogeneous colony.¹³ Despite this, the contact with the Lipka Tatars (especially with the Baranowski family) was not broken. In subsequent years, the colony was not mentioned, but the recruitment of Tatar uhlans for Frederick's army was in progress.

Another attempt was made only in 1788. The letter to Herzberg, the minister of Prussia of Johann Daniel von Rozinsky, written by the secretary of the Prussian delegation in Warsaw, proposed that the settlement and recruitment of the Lipka Tatars should be organized¹⁴. Accompanied by two officers, he met the Tatars in East Prussia, and visited their villages and communities in Lithuania. In his opinion, these Tatars were very poor, so their recruitment could be very successful. In addition, they were industrious farmers and horse-breeders, these skills could be useful in military cavalry.¹⁵ Herzberg sent this letter with his own comments from Warsaw to King Frederick William II

....

¹¹ Frederick's letter to Gaudi of 22.7.1775 in Stadelmann, *Preussens Könige*, p. 416.

¹² Frederick's letter to Gaudi of 22.7.1775 in Stadelmann, *Preussens Könige*, p. 416.

¹³ Friedrich to Dormardt of 7.1.1776, Christian Meyer, *Geschichte der Provinz Posen*, Posen 1891, p. 287

¹⁴ Ewald Friedrich Graf von Herzberg (1725-1795) was particularly interested in establishing foreign relations, especially with Poland. See: Paul Bailleu, *Ewald Count von Hertzberg*, in: *Allgemeine Deutsche Biographie* (ADB), Leipzig, 1880, vol. 12, pp. 241-249.

¹⁵ GStA, Part I. HA, Rep. 63, No. 2078 (Letter of Rozinsky, the resident in Warsaw, to Herzberg, dated 2.2.1788).

"[...] I wanted to note the possibility of involving Polish-Lithuanian Tatars in the military service. I met with the representatives of this nation who had participated in the war between Russia and Poland, and later moved to Lithuania. They had showed themselves as brave horsemen, ready to quickly repel the blow of the enemy, faithful and reliable representatives of the Muslim religion."¹⁶

Frederick Wilhelm II found this proposal extremely appealing, but he failed to provide financial support at that time. Nevertheless, Colonel Johann Henry von Günther was instructed to establish contacts with the Tatars. If the establishment of the colony was not possible, at least this would be a certain sign for the government.¹⁷ Following the order, Günther escorted by his officers and soldiers, set off for the Tartar settlement near Marggrabowa. It was there where they met a captain of the Tatar cavalry, who accompanied them for about ten or twelve miles to the site, near Stallupönen. As soon as they arrived, they started their observations. Their impressions must have been very positive as Lipki were described as "brave" people. Günther immediately began preliminary negotiations which resulted in a multitude of issues that clearly reflected a purely military interest. Among the final items they discussed freedom of religion and monetary allowances for imams.

The first attempt was not successful enough. However, negotiations contributed to closer contacts with Brandenburg-Prussian officers under the leadership of Günther. The later contacts were a great success and based the foundation of a clear concept of Tatar settlement in (New East) Prussia.¹⁸

¹⁶ GStA, I. HA, Rep. 63, No. 2078 (Letter to Herzberg King on February 10.2.1788).

¹⁷ GStA, I. HA, Rep. 63, No. 2078 (Frederick Wilhelm's answer of 26.2.1788).

¹⁸ Correspondence and settlement plans can be found in GStAII. HA, Rep. 11 "New East Prussia", Part VI, No. 1900. Most of the texts of the talks were published jointly with the inscriptions of Tatar families, as well as information on food, maintenance, and uniform. The materials are supplemented by the final report of Schrotter, of the same date, and published in Johann David Dzingel's monograph "The History of the Royal Ulan Regiment", Potsdam, 1858, pp. 180-190 (Dziengel "Geschichte des Königlichen Zweiten Ulanen-Regiments", Potsdam, 1858, pp. 180-190 p. 180-190), which also contains historical information on the regiment of Comrade (German: Towarczys), beginning with 1675; the history of Bosniaks, beginning with 1745; the history of the Tatar regiment, beginning with 1795; the

A letter from the Lipka-Tatar colonel Janusz Murza Baranowski arrived in Koenigsberg in July 1795. In this letter, he proposed that Tatars do not only form a regiment, but with administrative support of Frederick William II¹⁹ also resettle to Prussia where they could live together with numerous other Tatar families.

The negotiations were frequent and, according to the minutes, were conducted in Polish. The Tatars were represented by colonel Baranowski who came from an old aristocratic family of Tatars, belonging to the genus of Temir-Tukhan-Bay known since the beginning of the fifteenth century. Quite soon, the family was accepted by the Polish-Lithuanian nobles, men began serving as colonels and generals in Polish armies. The Baranowski family owned large areas of land and its influence cannot be underestimated. Baranowski's political and social influence was as great as that of the numerous members of his family who later became part of the ranks of the Tatar regiment led by Prussian officers.²⁰

On behalf of the Prussians, negotiations were conducted by Friedrich Leopold Reichsfreiherr von Schrötter. Schrötter²¹ was a very interesting person who presented himself as a competent military minister and an enlightened reformer. He was in close contact with Immanuel Kant and in 1807, together with Freyern von Stein, played a fundamental role in Prussian reforms. Thanks to Schrötter's wise decisions, numerous infrastructure projects returned to (New East) Prussia. Especially closely Schrötter worked with General von Günther. Relying on his experience, relations with Muslims, especially with the Tatars, were successfully estab-

lished. In cooperation with General von Günther, Schrötter prepared an expert opinion on the draft of a possible Tatar settlement. On August 16, 1795, Schrötter, following the given directions, wrote a report to the king from Koenigsberg:

“The Tatars are a good industrious nation, they love farms and cattle, especially horse breeding. Under the leadership of the Polish troops they had been courageous soldiers since ancient times.

If Your Majesty would extend the borders of East Prussia to the Neman and Narva, it would be very good, as I could intercede in accordance with the news received so that these Tatars could settle and permanently reside along the Bobrova River and Narva, thereby they would be on the outer border of Prussia and protect it”.²²

It is interesting to note that in this letter Günther does not use the words Polish Tatars, but the Tatars as a separate “nation”, i.e. a separate ethnic group. Apparently, the king also shared this view, as seen in his reply to Baranowski, in the letter dated of August 23, 1795, in which he also commented on the religious issue: “You and your nation will be allowed to have freedom of religion, and a clergyman will also be provided.”²³

Meanwhile, Schrötter contacted the preacher Ottech to explain to him the importance of not teaching Christianity to Tatar children at schools. He also requested that Tatars should be provided with an imam whose wages would be paid by the Prussian government²⁴. He continued to negotiate with Baranowski and Günther. They discussed primarily military details, such as the power of the squadron, the rank of officer nobles, and the status of the Prussian uhlans as junior sergeants (non-commissioned officers), since they belonged to the lower levels of nobles. The negotiations established the duration of military service to be twelve years, and recruits to be 30 years old or younger. Negotiations were also held about the amount of salaries, military uniforms, and weapons, about settlements in garrisons, about provisions for people and horses, and for replenishing the horse guards. The issues discussed also concerned commanding and training, promotions and disciplinary

history of the royal regiment Comrade (German: Towarczys), beginning with 1800, it was partially the main part of Prussian regiments). This is evidenced by the materials of the Secret State Archives (Letter of Schrötter to Friedrich Wilhelm II of September 18, 1795 - GStA, II. HA, Rep. 11 “New East Prussia”, VI, No. 1900, pp. 53-69).

¹⁹ GStA, II. HA, Rep. 11, “New East Prussia”, Part VI, No. 1900, pp. 2-3 (a cover letter from Baranowski of 26.7.1795), translation p. 6; *ibid.*: Cabinet of Ministers directions for Schrötter concerning the verification and drawing up the conclusion of August 8, 1795. See also GStA, Part II, Rep. No. 9 CXI, No. 214 (Acts on the formation of the Tatar division). See also [Müller 1936, p. 57], [Wasicki 1964, p. 114].

²⁰ On the Baranowskis family see in Stanisław Dziadulewicz, *Herbarz Rodzin Tatarskich w Polsce*, Wilno 1929, pp. 47-52.

²¹ Friedrich Leopold Reichsfreiherr von Schrötter (1743-1815), see: Gottlieb Krause 1891, pp. 579-582.

²² GStA, II. HA, Rep. 11, “New East Prussia”, Part VI, No. 1900, pp. 4-5 (Schrötter's report to the king 16.8.1795).

²³ GStA, II. HA, Rep. 11, “New East Prussia”, Part VI, No. 1900, p. 13 (King's letter to Baranowski from Potsdam, 23.8.1795).

²⁴ GStA, Part II, Report No. 11, “New East Prussia”, Volume VI, No. 1900, p. 17 (Letter from Schrötter Ottechu dated September 6, 1795).

sanctions. The total number of issues registered in the minutes, was 40. The results of these negotiations were focused on the principles of behavior and concessions regarding “Bosniaks”.²⁵

The main point concerning military agreements was that officers and non-commissioned officers could receive promotion in service only within the Tatar regiment. There should not be any transfers from other non-Muslim or Tatar military units. In addition, the Bosnian regiment decided to send several officers and non-commissioned officers, who were Muslims (Tatars), to be trained during the transitional period. The Polish language was still the language of command.²⁶

The following items, specified in the minutes, described the procedure for establishing the colony. It was stated that every family that had at least one or two sons had the right to a land allotment of two ‘gufs’²⁷. Families with three or four sons had the right to three plots of land. These lands were subjects to taxes with an interest rate. They were exempt from interest payments during the first few years or these interest rates were at least reduced if the state provided financial assistance in stubbing, land reclamation and cultivation. The state also granted either six years of tax exemptions or wood supplies for the construction of a dwelling house. Officers with military merits were granted the rights of aristocratic landowners. Unlike other Tatar settlers, they did not have to provide food supplies to garrisons. All families had numerous financial benefits: tax- and duty-free benefits, which had already been granted to many other colonists in Brandenburg-Prussia in the 18th century.²⁸ It was viewed as a matter of great significance that houses on the territory of the colony were located close to each other to create mutual aid situation. In fact, a new social infrastructure was created.²⁹

However, religious issues were of major importance in this case. Therefore, it was decided that

²⁵ See in detail: On GStA negotiations, II. HA, Rep. 11, “New East Prussia”, Part VI, No. 1900, p. 18 (Königsberg, 5.9.1795); Cf. Müller, p. 57. About the fines and militaryjurisdiction see: Dziengel, Geschichte, p. 192; confirmed by materials in GStA, II. HA, Rep. 11, “New East Prussia”, VI, No. 1900, p. 121 (Friedrich Wilhelm II. of 20.11.1795).

²⁶ GStA, II. HA, Rep. 11 “New East Prussia”, Part VI, No. 1900, pp. 53–58 (Minutes, Items 1–25 of 18.9.1795), repinted by Dziengel, Geschichte, pp. 180–185.

²⁷ Guf – a landmeasure, from 7 to 15 hectares.

²⁸ Cf.: Dziengel, Geschichte, p. 185f.

²⁹ See: *ibid.*, p. 186.

an imam should be provided for at least a hundred families. He should get his salary from the Prussian state budget. Imams were responsible for children’s religious education. The state provided them with three land allotments that were not taxable. However, additional compensation was already granted by the municipality.³⁰ The same benefits were bestowed upon a teacher who was not in a religious service and received two land allotments. The Tatars asked for someone who would teach “their children all subjects taught in German schools”. That request meant a clear desire for integration into German society and equality of treatment. However, the issue of full integration into the Prussian-German society remained deliberately open.³¹ Brandenburg-Prussia also supported this desire.

In addition to the mandatory appointment of imams and in order to emphasize the willingness to participate, the construction of a mosque for two hundred Tatar families was envisaged at state expense.³²

Considering partially religious-motivated conflicts with the Ottoman Empire, the Reconquista in Spain, and persecutions of the Muslims in 1614, this concession was a novelty in the New Western and Central European history. Poland and Lithuania did not participate.³³

Later, these practices became more traditional. To keep up this tradition, negotiations were prolonged: “Since they, by their laws, cut their hair short, letting it hang around their heads, we ask You, Your Majesty, to allow others to cut their hair in the same way, or braid it”.³⁴

The passage above certifies to “the isolated existence of the military and civilians”. In addition to the previously stated requirement that the Polish language acts as the language of command, the question was also raised about how far the integration might go. In view of a very heterogeneous composition of society in Brandenburg and Prussia, the lack of a homogeneous society, necessity for the integration of Tatars, became evident. The multi-ethnic and multi-confessional state of Brandenburg and Prussia was developed based on the

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Ibid.*

³² “A small house for worshipping God is provided for 200 families - a mosque supported by the commune”. *Ibid.*, p. 186.

³³ On the settlement and integration of Muslims in Poland-Lithuania. See: Jan Tyszkiewicz, *Islam in Europe*, Warsaw 2012, pp. 21–28.

³⁴ See: Dziengel, *History*, pp. 187 and 192.

constant millennia-old migration, which survived only due to the “rod” of Prussian statehood. In this respect, the Tatars fully complied with the requirements of the treaty and Prussian statehood.

While a sufficient number of families were sought and organized, Baranowski and Günther already began to settle the Tatars with “Bosnians”, as it was demanded by the Royal Order of November 20, 1795.³⁵

Before the king's consent was received, Baranowski and Günther had jointly developed Regulations for providing clothing and food. In addition, they went to the garrisons of Yanov, Odelsk, Novyi Dvor, Sukhachev, Goniads, Raigorod, and Augustov. These places were chosen to serve as a sort of headquarters for the Tatars³⁶. Thus, it was necessary to take special measures for arriving servicemen and members of their families. The new “Prussian soldiers” were divided into five squadrons.³⁷

Among the first recruited Tatars, there were only 19 ober officers, seven non-commissioned officers, and nine uhlans.³⁸ Their number quickly grew to 21 ober officers, ten non-commissioned ensigns, five sergeants, 90 uhlans (including 75 on horseback), 15 non-commissioned officers, three trumpeters, four surgeons, three standard bearers, 59 simple and 23 packhorses.³⁹ There were also numerous “Bosnian” seconded soldiers.

The number of soldiers from the so-called “Tatar regiment” was not stable, it was more than 500 people. Most of these men came with their

families from the district of former Eastern Poland and Lithuania, from territories occupied by Russia in 1795, i.e. the main settlement of Lipka Tatars. In addition, a slightly smaller number of families came from the southern and new eastern territory of Prussia, occupied by Prussian troops. At that time, the ethnic composition of Prussia included a certain number of Tatars who had left their service in the Crimean Khanate for the Prussian army. Other families came from the territories occupied by Austria, to the south and east of Warsaw, which henceforth were called Western Galicia.⁴⁰

The main problem in the entire (new eastern) Prussia was the language. Only a few people knew German and a few Prussian administrative officers and military personnel spoke Polish. Günther also noted that these were indispensable difficulties in “training for service in the Prussian army” because non-commissioned officers had different qualifications, which caused “the problem of communication in Polish”.⁴¹ However, several months later successful attempts at training recruits manifested themselves, as Günther's approach of mutual understanding bore fruit: “I found the Tatars were really better prepared than I could imagine after the ignorance they had demonstrated before”.⁴²

One of the reasons for this conclusion was, by the way, Günther's first instruction for teaching to ride and march, which he had written in Polish.⁴³ It was based on the new cavalry regulations of October 18, 1793. In 1796, it was formally presented by the Cabinet of Ministers and fully translated into Polish for the Tatars on condition that the interpreter should firstly carefully check them for confidentiality and reliability. In addition, the officers of the regiment were supposed to read and learn the translation, but they were not to use the original. It was emphasized that experienced Prussian officers are expected to render assistance in studies.⁴⁴

³⁵ “We managed to create a Tatar regiment offivesquadrons from among the enlisted Tatar residents living in the newly populated provinces on the NemanRiver inthe south of Prussia. You, Janus Murza Baranovski, are appointed commander-in-chief, and Yakub Murza Baranovsky is a lieutenant-colonel.” GStA, II. HA, Rep. 11 “New East Prussia”, Part VI, No. 1900, Vol. I, p.121 (Order on the formation of the Tatar regiment of 20.11.1795).

³⁶ Cf. [Wąsicki 1964], as well as GStA, Vol. II, Rep. 11 “New East Prussia”, Part VI, No. 1900, p. 75 (“Peace Budget”), aswellas pp. 83-90 (“Location of all garrison-sand Günter's troops”).

³⁷ First introduced in national and newly created units, etc.Cf.inGStA, II.HA, Rep. 11 “New East Prussia”,VI, No. 1900, Vol. I, p. 196f.(January 1796), and also while listing colonized families. See: GStA, II. HA, Rep. 11 “New East Prussia”, Part VI, No. 1900, Vol I, p. 63f.

³⁸ Cf. GStA, II. HA, Rep. 11 “New East Prussia”, Part VI, No. 1900, p. 63f.

³⁹ GStA, II. HA, Rep. 11 “New East Prussia”,VI, No. 1901, p. 93f. (Army increase and troop location of June 1796).

⁴⁰ The data are taken from national and newly created units in GStA, II. HA, Rep. 11 “New East Prussia”,VI, No. 1900 (for 1795 Vol I.196–199), *ibid.* No. 1901 (for 1796: 36–40, 56–59, 93–96, 104–107, 116–119, 218–221, 235–238, for 1797: 243–246, 272–275), *ebd.* No. 1902 (for 1797 and further,Vol. I. Pp. 9–13, 53.f., 172–176, 251–254), *ibid.* No. 1903 (for1799 Vol I. pp.3–6).

⁴¹ GStA, II. HA, Rep. 11 “New East Prussia”,VI, No. 1900, voll., pp. 133–134f (“Gunter fromZakroczyń“, 6.12.1795).

⁴² Gunter's letter of 30.7.1796 to the king. See: Gunter in Dziengel, History, p. 193.

⁴³ See: *ibid.*

⁴⁴ Cabinet order of 18.10.1796, *ibid.*, p.193f.

The Tatars were denied the original not because of the distrust but rather based on the understanding that the only translation of the Prussian regulations would not be enough. Better understanding implied providing a context. However, this context with respect to the regular service was still unknown for the Tatars.

At the same time, the Prussians increased pressure with the aim to accelerate the influence of the Polish language in education owing to the recently issued Cabinet's order of September 14, 1796. However, language learning was enhanced due to pragmatic rather than ideological interests. Thus, a conclusion was made that there was no need to understand culture, but only the language of the inhabitants was to be learned.⁴⁵

Along with the training program and usual services that the Tatars performed together with the Bosnians, the life of the Tatars in their families was also regulated. Family members were considered part of the regime. So, the military, thanks to school lessons and childcare allowances, took care of all the children under the age of 13. Parents received small monthly subsidies.

In corresponding lists, along with these payments, were the names and birthdays of children. It is noteworthy that since 1796, with the start of recruitment, the number of children kept growing. In February 1796, the Tatar regiment numbered 127 men, 25 women, and 45 children (23 boys and 22 girls),⁴⁶ in December 1797, the number of children increased by 97 (58 boys and 39 girls)⁴⁷, and in December 1798, their number increased to 101 (63 boys and 38 girls).⁴⁸ It should be taken into account that this increasing number of children included only those under the age of 13, older children were not included in the statistical data. It is also interesting to note that since 1796, the children were more often given such names as Friedrich, Christian, Alexander, Leopold, Johann, Henrietta, Gottlieba, Elizabeth, Rosalia, Josef, in addition to traditional names, such as Mustafa, Janusz,

⁴⁵ In Michał Cieśla, *Język polski w szkołach berlińskich w latach 1797–1807*, in: *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. Wrocław 1961, Vol. 4, p. 95f.

⁴⁶ Cf. GStA, II. HA, Rep. 11 "New East Prussia", Part VI, No. 1900, p.199, "National division", February 1796.

⁴⁷ Cf. GStA, II. HA, Rep. 11 "New East Prussia", VI, No. 1902, p. 176, "National division", December 1797. The total number of men increased to 222, women to 63.

⁴⁸ Cf. GStA, II. HA, Rep. 11 "New East Prussia", Part VI, No. 1903, p. 252, "National division", December 1798. The total number of men increased to 361, women to 90.

Abraham, Mahomet, Marianne, Asya, Carolina, or Anna, which allows us to draw a conclusion about the obvious influence of the new social environment.⁴⁹

New garrisons were located close to the border with neighboring East Prussia, for example Rajgród. This small town was right on the border with eastern Prussia near a wide lake. Today the city has a little more than 1500 inhabitants and is considered to be a stop place on the way to Lithuanian border. In the 18th century, however, it was a small flourishing trading city of an excellent location right in the area rich in forests and fish. In addition, it was strategically well located and well protected. Therefore, it is not surprising that there were numerous conflicts over the possession of this small city.

In addition to almost 900 residents of the city, there was a large Jewish community of about 400 members, who did not have the right to citizenship. There settled more than 40 merchants, along with various artisans, forestry workers, fishermen, and ordinary farmers. One Tatar paramedic provided first aid.⁵⁰ There was also a small-town hall, church, brick factory, water mill, eight diners, as well as nine breweries, and nine wineries. It was a small and not too wealthy town.⁵¹ On the contrary, garrison life was much brisker than in other remote border towns. Its life changed with the advent of the 87,000-strong Tatar garrison, as Rajgród had never been a garrison town before.

Horses had to be provided with fodder. Unexpectedly, there was a sudden rise of consumer capacity of the citizens. There was a need for uniforms to be made and mended. Families needed food and staples. There were approximately 158 houses, 74 barns, and 116 fields, which was hardly enough to provide for the soldiers' families. Even

⁴⁹ Cf. List of the number of children in GStA, I. HA, Rep. 11 "New East Prussia", VI, No. 1901 (für 1796 voll. 122–124, 208, 229, 251), No. 1902 (für 1797 voll. 6, 164f.).

⁵⁰ Wąsicki, "Prussian inventories", pp. 89–91, vgl. Janusz Sobolewski, *Szkic do dziejów ziemi rajgordzkiej*, in: *Józef Golubiewski/Irenai Jadwiga Prostko (Hg.), Opowieści i pieśni znad Jegrzni, Rajgród 2009*, pp. 5–8, here p. 34, also Janusz Sobolewski, *Rajgród i okolice w wydarzeniach insurekcji kościuszkowskiej i powstania listopadowego*, in: *496. Rocznica Urodzin Województwa Podlaskiego, Białystok 2009*, p. 41–68, here p. 42f.

⁵¹ Cf. Jarosław Szlaszyński, *Handlowznaczenie Rajgrodu na Początku drugiej połowy XVIII wieku*, in: *496. Rocznica Urodzin Województwa Podlaskiego, Białystok 2009*, pp. 33–40.

though Rajgród was a thriving town, this should be considered in the context of the Mazurian environment. Before building new homes, soldiers and their families were placed in the apartments of Prussian citizens. Unexpectedly, 21 new pupils appeared in the small rural school, who were “different” with respect to their appearance and religion, but still used the same language. The evidence of their misbehavior, excesses or violation of rules has not reached us. On the contrary, it seemed that they came to an agreement with a new society.

Imams were assigned responsibility for spiritual leadership. They received financing, although the formation of colonies was not completed. Many families lived in garrison apartments and just a few took the opportunity to live in new settlements.⁵² The majority of the soldiers' families did not leave their native towns in New East and South Prussia, contrary to what Schroter and Baranowski had expected. Although the number of the ready-to-move families increased (in 1795 – 27 families, in November 1796 – 45 families), there existed problems, such as finding a suitable place and certain administrative obstacles, which hampered the progress.⁵³ In the end, the implementation of resettlement plans was postponed as a result of the agreement with the colonists concerning the measurement of land that followed. Thus, 38 families refused to sign the agreement, as they “did not have the necessary property”, other 7 families set impracticable conditions, the rest 23 families had similar explanations” [Müller, p. 61].⁵⁴

It is difficult to find an explanation to the negative attitude of the Tatars towards their resettlement. In any case, their refusal was not determined by the military service or very poor living conditions. The indicator of this is a small number of desertions – about 5 men per month, some of them being recidivists.

On the other hand, there were much more new recruits than cases of desertion.⁵⁵ In 1796, at Christmas, a great sensation was caused by the de-

sertion of a young military field surgeon named Ferlau. He left his unit without permission and did not return despite numerous reprimands.⁵⁶

Polonization within the cavalry of the regiment intensified after the Third Polish Partition. This led to the reorganization of the cavalrymen into the Prussian-Polish regiment of “Comrade”. However, the fate of the Tatars remained unresolved. The number of enlisted soldiers was insufficient for a regiment, as Baranowski and Günther had once hoped for. Also, there were not enough families to create their own new Tatar colony, since it was difficult to persuade the families to uproot their lives.

Therefore, it was decided to add the Tatars as a separate squadron to the new regiment of “Comrade”. The decision was carried out under the command of General von Günther. However, the service in such a squadron became less attractive to Tatar soldiers and new recruits did not come. After joining the new, mostly Polish, regiment the Tatars lost their autonomy within the Brandenburg-Prussian cavalry. Besides, the Germans or Poles as immediate superiors occupied positions of command and gave orders. Tatar aristocracy could not accept this state of affairs. On the other hand, they were not sure of their future careers. In the list of 1800 officers, only the Baranowski family was in almost full composition.⁵⁷

Since then, the number of exits for resignation constantly increased, besides, the King's prescription was issued that such actions should not be impeded. Colonel Baranowski retired in 1802, and next year it was his nephew, who had served as the prime minister in the regiment of the Tatars. On March 30, 1806, the rest of the Baranowskis collectively retired with the pension of 120 to 600 thalers.⁵⁸

Not only the failure to form the original Tatar regiment, but also the failure to organize their resettlement, as well as numerous bureaucratic obstacles regarding the transfer of land contributed to the growth of disinterest on the part of the Tatars. Thus, the king had to intervene, as some state officials did not want to transfer the original Polish property by inheritance and obtain it in the process of exchange for lands that needed to be colonized, which the Tatars resisted. Consequently, the king

⁵² Major von Schimmelpfennig's request, which requested a new imam to provide spiritual support for the Tatars. Cf. GStA, II. HA, Part IV, No.62, Vol. 2 “The Tatars” of July 30, 1803.

⁵³ Cf. GStA, II. HA, Rep. 11 “New East Prussia”. No.1901, p.236 “The list of 45 Tatar families who wanted to move” of 18. 11. 1796.

⁵⁴ Cf. The Shroetters Protocol from the City of Sukhovol, dated May 29, 1797, also the letter of Shroetters from Koenigsberg dated 3.6.1797.

⁵⁵ Cf. Zugangs- und National-Extracte in GStA, II. HA, Rep. 11 “New East Prussia”, Part VI, No. 1900–1903.

⁵⁶ GStA, II. HA, Part 2. Tit. XCVI, No. 1 Invalidensachen, p. 2.

⁵⁷ GStA, II.HA, Rep. 11, VI, No. 1225, p. 14 (Location of the Tatar squadron of 29.3.1800).

⁵⁸ Cf. GStA, II. HA, Rep. 4, 70, No. 62. Vol. 1, p. 43 (retirement in 1800 r.).Vol.2.,pp. 106–108 (retirement in 1803).Vol. 3, p. 50 (retirement in 1806).

wrote that participation of Tatar descendants should be avoided.⁵⁹

After that, the squadron of Tatars in “Comrade” kept decreasing in number and was finally disbanded based on the Cabinet Decree of March 27, 1806. After the defeat at Jena and Auerstedt the same year, Prussia was actually disintegrated and lost its newly conquered Polish colonies, its army ceased to exist.

Henceforth, we have found exceptionally brief notes on the Tatars’ exotic physiognomy, origin, their area of settlement, courage, and the role they played in the regiment. The reports describe their close relationship with Poland and the faith of Islam. Prussian Tatars are mentioned only in the statistical data on the population of New East Prussia.⁶⁰ Due to the abolition of this province, the memory of the Prussian Tatars was gradually erased.

References

- Bailleu, P. (1880). *Ewald Graf von Hertzberg*, in: *Allgemeine Deutsche Biographie (ADB)*, Vol. 12, pp. 241–249. Leipzig. (In German)
- Cieśla, M. (1961). *Język polski w szkołach berlińskich w latach 1797–1807* [Polish Language in Berlin Schools in the Years 1797–1807], in: *Rozprawy z Dziejów Oświaty*. Vol. 4, pp. 95–102. Wrocław. (In Polish)
- Dziadulewicz, S. (1929). *Herbarz Rodzin Tatarskich w Polsce* [The Tatar Family’s Tailor in Poland]. Wilno. (In Polish)
- Ziengel, J. D. (1858). *Geschichte des Königlichen Zweiten Ulanen-Regiments* [History of the Royal Second Uhlan Regiment]. Potsdam. (In German)
- Hassel, G. (1805). *Statistischer Umriss der sämtlichen europäischen Staaten in Hinsicht ihrer Bevölkerung, Kulturverhältnisse, Handlung, Finanz- und Militärverfassung und ihrer außereuropäischen Besitzungen* [Statistical Outline of All European Countries in Terms of Population, Cultural Situation, Action, Financial and Military Constitution and Their Non-European Possessions]. Braunschweig. (In German)
- Krause, G. (1880). *Friedrich Leopold Freiherr von Schrötter*, in: (ADB), Vol. 32, pp. 579–582. Leipzig. (In German)
- Lehmann, M. (1881). *Preussen und die katholische Kirche seit 1640* [Prussia and the Catholic Church since 1640.]. Nach den Acten des Geheimen Staatsarchives. 2. Theil. 1740–1747, Leipzig. (In German)
- Meyer, Ch. (1891). *Geschichte der Provinz Posen* [History of the Province of Poznan]. Posen. (In German)
- Müller, A. (1936). *Die Preussische Kolonisation in Nordpolen und Litauen (1795–1807)* [The Prussian Colonization in Northern Poland and Lithuania (1795–1807)]. Berlin. (In German)
- Porsch, R. (1897). *Die Beziehungen Friedrichs des Grossen zur Türkei bis zum Beginn und während des siebenjährigen Krieges* [Relations between Frederick the Great and Turkey until the Beginning and During the Seven Years War]. Marburg. (In German)
- Pröhl, K. (1986). *Die Bedeutung preußischer Politik in den Phasen der orientalischen Frage* [The Significance of Prussian Politics in the Phases of Oriental Issues]. Ein Beitrag zur Entwicklung deutsch-türkischer Beziehungen von 1606 bis 1871, Frankfurt a.M. u.a. (In German)
- Sobolewski, J. (2009). *Rajgród i okolice w wydarzeniach insurekcji kościuszkowskiej i powstania listopadowego* [Rajgród and Its Surroundings in the Events of the Kosciuszko Insurrection and November Uprising], in: 496. Pp. 41–68. *Rocznica Urodzin Województwa Podlaskiego*, Białystok. (In Polish)
- Sobolewski, J. (2009a). *Szkic do dziejów ziemi rajgorzkiej* [Sketch to the History of the Land of Rajgród], in: Józef Golubiewski/Irena i Jadwiga Prostko (Hg.), pp. 5–8. *Opowieści i pieśniznad Jegrzni, Rajgród*. (In Polish)
- Stadelmann, R. (1882). *Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landescultur* [Prussia’s Kings in Their Activity Aimed to Develop the Country’s Culture]. 2. Teil: Friedrich der Grosse, Leipzig. (In German)
- Szlaszyński, J. (2009). *Handlowe znaczenie Rajgradu na Początku drugiej połowy XVIII wieku* [Commercial Importance of Rajgród in the Late 18th Century], in: 496. *Rocznica Urodzin Województwa Podlaskiego*, pp. 33–40. Białystok. (In Polish)
- Theilig, S. (2008). *Die erste osmanische Gesandtschaft in Berlin 1763/64. Interkulturalität und Medienereignis* [The First Ottoman Legation in Berlin 1763/64. Interculturality and Media Event], in Joachim Eibach/Horst Carl (Hg.), *Europäische Wahrnehmungen 1650–1850. Interkulturelle Kommunikation und Medienereignisse*, pp. 131–160. Hannover (In German)
- Tyszkiewicz, J. (2012). *Religijność muzułmanów litewsko-olskich x XVI–XVIII w. w ocenie chrześcijan* [Religiousness of Lithuanian Muslims in the 16th–18th Centuries in the Opinion of Christians], in: Martin Klapepek/Marta Wisy-Behiesse (Hg.), *Islam w Europie*, pp. 21–28. Warszawa. (In Polish)
- Wąsicki, J. (1964). *Pruskie opisy miast polskich z konca XVIII wieku: departament białostocki* [Prussian Descriptions of Polish Cities from the Late 18th Century: Białystok Department]. Poznan. (In Polish)
- Zedlitz-Neukirch, L. (1836). *Neues preußisches Adels-Lexicon* [New Prussian Nobility Lexicon]. Leipzig, Band 2. (In German)

⁵⁹ GStA, II. HA, Rep. 11, VI, No. 1902, pp. 260–262 (Frederick Wilhelm II to the East-Prussian Parliament of 23.1.1799).

⁶⁰ Cf. Vgl. Georg Hassel, statistical data of European states on population, cultural relations, financial and martial law, Braunschweig, p.9 and 31.

**ТАТАРЫ ПРУССИИ – МИГРАЦИОННЫЕ
И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРУССКОЙ АРМИИ
В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ (1795–1800 ГГ.) НА ПРИМЕРЕ
ЛИПКИНСКИХ ТАТАР^{1, 2}**

Штефан Тайлиг,
Бранденбург-Прусский музей (Вустрау),
Институт кавказских, татарских и туркестанских исследований
(ICATAT) (Берлинский филиал),
Германия, 16818, Вустрау, Айхеналлее 7а,
stephan-theilig@web.de.

Расселение как отдельных людей, так и небольших групп представителей мусульманской веры в XVIII веке в Бранденбург-Пруссии³ в результате миграции, в том числе и принудительной, позволяет по-новому взглянуть на процессы заимствования ориентализмов в немецком языке. В то же время представляется возможность основательно изучить жизнь солдат-мусульман, которые служили в качестве «иностранцев» в военных формированиях, таких как, например, «босняки» или «полки татар». Часть солдат проживала вместе со своими семьями, другие создавали новые семьи в гарнизонах. Целью данной статьи является детальное и систематизированное описание процессов переселения солдат-мусульман, а также связанного с этим создания колоний мусульман в Бранденбург-Пруссии.

Ключевые слова: Бранденбург-Пруссия, прусская армия, мусульманские солдаты, липкинские татары, миграция, мусульманские колонии.

¹ Липкинские татары, липки (польско-литовские или белорусские татары) – самостоятельная этнотерриториальная общность татар, проживающих на территории Белоруссии, Литвы, Польши и некоторых других стран (Прим. переводчика).

² В основе материалов статьи лежит доклад с одноименным названием, сделанный на конференции «Война, военные и мобильность с античности по настоящее время», организованной Комитетом по вопросам изучения военной истории при сотрудничестве с Институтом миграционных и межкультурных исследований (ИМиМИ) Оснабрюкского университета. В рукопись статьи были также фрагментарно включены материалы нашей диссертации «Социокультурные связи, межкультурная трансформация и процессы трансформации в истории тюрков, мавров и татар как вынужденных мигрантов в Бранденбург-Пруссии в 18 веке». Данная диссертация была принята к рассмотрению, успешно защищена на факультете искусств Берлинского университета им. Гумбольдта 19 февраля 2013 года и опубликована в издательстве «Франк унд Тимме» в Берлине: Theilig, Stephan. *Türken, Mohren und Tataren: Muslimische (Lebens-)Welten in Brandenburg-Preußen im 18. Jahrhundert (Kulturen – Kommunikation – Kontakte)*. Berlin: Frank & Timme 2013).

³ Бранденбург-Пруссия (нем. Brandenburg-Preußen) – немецкое княжество, созданное в 1618 году путем объединения маркграфства Бранденбург и герцогства Пруссии (Прим. переводчика).

В настоящее время жизнь и деятельность представителей мусульманской веры, проживавших в восточной части Европы на протяжении веков, остается неизученной. Я не имею в виду Европу в пределах Европейского Союза, а скорее – в географических границах вплоть до Урала и предгорий Кавказа. Так, в Венгрии в IX веке поселились так называемые бесермены (бусурмане) – мусульманские купцы из Центральной Азии.

Начиная с XIII века тюрко-татарские общины появились в различных районах Литвы, Польши, Белоруссии, Украины и Румынии. Их основали в основном военнопленные, выходцы из распадавшейся великой империи – Золотой Орды. С этих переселений начались внутренние европейские миграции татар, а в XIX веке миграционные процессы начались на территории Латвии, Эстонии и Финляндии.

Наличие предпосылок для создания первых поселений мусульманских татар на территории Бранденбург-Пруссии подтверждает знаменитое высказывание Фридриха II, относящееся к началу его правления: «<...> все религии равноправны и в равной степени претендуют на свое существование, важно лишь, чтобы представители данных религий были честными людьми. И если бы турки и язычники приехали бы в нашу страну и захотели бы жить в ней, мы построили бы мечети и молельни»⁴ (разрядка наша. – *Ш. Т.*).

До сегодняшнего дня это высказывание приводилось как доказательство толерантности Фридриха II по отношению к другим религиям, в частности к исламу. Тем не менее эта цитата в подлинном смысле является лишь волеизъявлением правителя без каких-либо реальных подтверждений.

Однако, как нам представляется, именно взаимоотношения с татарами и Османской империей после 1760 года привели к интенсивным размышлениям Фридриха, что привело к разработке планов о присоединении новых территорий и расширении границ Западной Пруссии после первого раздела Речи Посполитой в 1772

году⁵. В ходе разработки этих планов были предприняты целенаправленные попытки привлечь на службу польско-литовско-татарские семьи, которые так же, как и гугеноты, переселенцы из Зальцбурга и Богемии, должны были быть поселены в новосозданные колонии. Здесь они должны были поселиться, обрабатывать и возделывать землю. В то же время они должны были сформировать кантон для вербовки новобранцев. Таким образом, Фридрих попытался извлечь из этих поселений двойную пользу. С одной стороны, это возделывание и культивирование земли, с другой стороны, увеличение населения и, следовательно, увеличение численности потенциальных солдат и налогоплательщиков.

Первое предложение целенаправленного создания татарского поселения, по-видимому, принадлежит самому Фридриху II. В июне 1775 года, всего через тридцать пять лет после своей знаменитой записи, он написал своему министру и управляющему Гауди⁶, который был ответственным за ведение дел в Западной Пруссии, о том, что в окрестностях Иновроцлава есть множество болот и мест, вполне подходящих для мелиорации и поселений. Он был бы рад, если бы татары, проживавшие близко к польско-прусской границе, переселялись в эту область. В случае военной опасности их можно было бы призвать на военную службу⁷. Фридрих настойчиво выразил свое намерение расселить польско-литовских татар в западной части Пруссии и отразил эту мысль в следующем важном заключении: «Я хочу построить для них мечети, предоставить им всяческую защиту и обращаться с ними так же, как и со всеми другими моими подданными»⁸. В более позднем письме Гауди Фридрих вновь конкретизировал свое пожелание. В тот период времени

⁴ Запись на полях рапорта Главного управления по поводу ходатайства католика, проживавшего во Франкфурте на Одере, о получении гражданства от 15 июня 1740 года: Макс Леманн, Пруссия и католическая церковь с 1640 года [Acten des Geheimen Staatsarchives. 2. Theil. 1740–1747, Leipzig 1881, S. 3.].

⁵ См. об отношениях Фридриха с правителями Османской империи в работах Ш. Тайлига [Тайлиг, 2008], К. Прёла [Прёл, 1986], Р. Порша [Порш, 1986].

⁶ Леопольд Отто Фрейхерр фон Гауди (1728–1789) с 1775 года был секретным секретарем государственного и военного совета, вице-президентом и министром Главного финансового, военного и доменного управления, а также начальником Департамента Восточной и Западной Пруссии и Литвы [Leopold von Zedlitz-Neukirch (Hg.), Neues preußisches Adels-Lexicon, Leipzig 1836, Band 2, S. 217].

⁷ Письмо Фридриха директору Кабинета министров Гауди от 7 июня 1775 г. [Stadelmann, 1882, с. 408].

⁸ Письмо Фридриха директору Кабинета министров Гауди от 7 июня 1775 г. [Stadelmann, 1882, с. 408].

король хотел создать однородное поселение этнических татар и мусульман, «а в округе должны были быть поселены немцы»⁹.

По случайному совпадению, именно в это время татарский офицер, по имени Захариас Мурза Барановский¹⁰, прибыл к Фридриху и предложил королю создать татарский полк и разместить его в Бранденбург-Пруссии. Это предложение укрепило намерение Фридриха, и в этой связи он написал Гауди, что тот должен собрать семьи татар и всячески способствовать продвижению идеи создания татарских поселений¹¹.

Король, судя по всему, расценивал свое решение в ответ на предложение Барановского как весьма выгодное во всех отношениях для татар и постоянно делал акцент на следующем пункте: «Я позволю им строить мечети и возмю их всех под свою защиту»¹².

Тем не менее эта реформа была приостановлена весной 1776 года, поскольку вербовка оказалась неудачной и не было найдено достаточное количество татарских семей для расселения в колониях. Сам Фридрих рассматривал этот проект поселения фактически как просветительский в педагогическом аспекте. Татары должны были ориентироваться на пример более развитой провинции, расположенной вокруг их поселения, и перенять прогрессивный опыт. Однако Фридрих стремился к просвещению не всего татарского сообщества, а только той части, которая проживала бы в ограниченной автономной и однородной колонии¹³. Несмотря на это, общение с липкинскими татарами (в частности, с семьей Барановских) не прекращалось, хотя в последующие годы упоминалось не о колонизации, а лишь о вербовке татарских уланов для армии Фридриха.

И только в 1788 году была предпринята еще одна попытка, она нашла отражение в письме секретаря прусской делегации в Варшаве, Иоганна Даниила фон Розински, министру Прус-

сии Гертцбергу. В этом письме Розински изложил свое предложение о поселении и вербовке липкинских татар¹⁴. В сопровождении двух офицеров он встречал татар в Восточной Пруссии, а также посещал их деревни и общины в Литве. По его мнению, эти татары очень бедны, поэтому их вербовка может быть весьма успешной. Кроме того, они занимались земледелием, разводили коней и могли бы быть полезны в военной кавалерии¹⁵. Гертцберг направил это письмо из Варшавы со своими собственными дополнениями королю Фридриху Вильгельму II: «<...> хотел отметить возможность привлечения польско-литовских татар на военную службу. Я познакомился с представителями этой нации, которые участвовали в войне между Россией и Польшей и затем переселились в Литву. Они проявили себя в качестве отважных всадников, готовых стремительно отразить удар врага, верных и преданных представителей мусульманской религии»¹⁶.

Фридрих Вильгельм II расценил это предложение как чрезвычайно заманчивое, однако не видел финансовых возможностей реализации этой идеи в то время. Тем не менее полковнику Иоганну Генриху фон Гюнтеру было поручено установить контакты с этими татарами. В том случае, если создание колонии не было бы осуществимо, то это послужило бы своего рода определенным знаком для правительства¹⁷. По этой причине Гюнтер в сопровождении своих офицеров и рядовых отправился в татарскую область вблизи Маргграбова (нем. Marggrabowa), где они натолкнулись на предводителя татарской кавалерии, который ехал с ними примерно десять-двенадцать миль до области, располагавшейся недалеко от местности Штальупёнен (нем. Stallupönen). По прибытии они сразу же начали свои наблюдения. Поскольку эти наблюдения казались им весьма положительными и липки показались им храбрыми воинами, они сразу же начали предвари-

⁹ Письмо Фридриха директору Кабинета министров Гауди от 5 июня 1775 г. [Stadelmann, 1882, с. 416].

¹⁰ Захариас был братом Януша Мурзы Барановского, татарского полковника, который с 1795 года возглавлял татарское войско в Боснийском полку и проводил переговоры о формировании поселения татарских семей.

¹¹ Письмо Фридриха директору Кабинета министров Гауди от 22 июля 1775 г. [Stadelmann, 1882, с. 416].

¹² Письмо Фридриха директору Кабинета министров Гауди от 22 июля 1775 г. [Stadelmann, 1882, с. 416].

¹³ Письмо Фридриха Домхардту от 7 января 1776 г. [Meyer, 1891, с. 287].

¹⁴ Эвальд Фридрих Граф фон Гертцберг (1725–1795) особенно интересовался вопросами внешней политики, в частности политическими отношениями с Польшей. Ср. также у Бельо [Bailleu, 1880, с. 241–249].

¹⁵ Письмо резидента в Варшаве Розински Гертцбергу от 2 февраля 1788 г. [Geheimes Staatsarchiv Stiftung Preußischer Kulturbesitz (GStA), I. HA, Rep. 63 Nr. 2078].

¹⁶ Письмо Гертцбергу королю от 10 февраля 1788 г. [GStA, I. HA, Rep. 63 Nr. 2078].

¹⁷ Ответ Фридриха Вильгельма II от 26 февраля 1788 г. [GStA, I. HA, Rep. 63 Nr. 2078].

тельные переговоры, которые завершились множеством вопросов, четко отражавших сугубо военный интерес. В качестве заключительных пунктов обсуждались также такие требования, как свобода религии и финансовое обеспечение имамов.

На тот момент попытка не вполне увенчалась успехом. Однако переговоры привели к тесным контактам с офицерами Бранденбург-Пруссии под руководством Гюнтера, который в дальнейшем имел большой успех: по крайней мере, содействовал развитию четкой концепции татарского поселения в (Ново-Восточной) Пруссии¹⁸.

В июле 1795 года в Кёнигсберг поступило письмо от татарского полковника Януша Мурзы Барановского. В этом письме он предложил не только создать полк татар, а поселиться вместе с другими многочисленными татарскими семьями в Пруссии при административной поддержке Фридриха Вильгельма II¹⁹.

Довольно быстро начались переговоры, которые, судя по протоколам, велись на польском языке. Со стороны татар выступал Барановский, полковник из старинного аристократического рода татар, чьи корни восходили к началу

XV века, к роду Темир-Туган-Бея. Семья владела большими угодьями и была весьма влиятельной, что нельзя недооценивать; сравнительно быстро вошла в состав польско-литовской знати, мужчины служили полковниками и генералами в польских армиях. Политическое и социальное влияние Барановского было столь же велико, как и влияние многочисленных членов его семьи, пополнивших позднее ряды татарского полка во главе с прусскими офицерами²⁰.

Пруссию на переговорах представлял Фридрих Леопольд Рейхсфрайхер фон Шрёттер²¹ – личность исключительно интересная, сочетавшая в себе военного, компетентного министра и просвещенного реформатора. Он тесно контактировал с Иммануилом Кантом, а с 1807 года – Фрейхером фон Штайном, что сыграло значительную роль в прусских реформах. Благодаря мудрым решениям Шрёттера были возобновлены многочисленные реформы в Пруссии. Особенно интенсивно Шрёттер общался с генералом фон Гюнтером, опираясь на опыт которого он смог наладить контакты с мусульманами, в частности татарами. Вместе с ним он подготовил экспертное заключение по проекту создания татарского поселения. 16 августа 1795 года Шрёттер в своем отчете королю из Кёнигсберга он отметил следующее:

«Татары – это хорошая трудолюбивая нация, они любят фермы и скот, особенно коневодство, с давнего времени в составе польских войск отличались отвагой в боях.

Если бы Ваше Величество расширило границы Восточной Пруссии до Немана и Нарвы, то это было бы очень хорошо, поскольку я мог бы ходатайствовать в соответствии с полученными известиями о том, чтобы татары заселились и постоянно проживали вдоль Бибры и Нарвы, тем самым они оказались бы на внешней границе Пруссии и защищали бы ее²².

Интересно отметить, что в этом письме речь идет не о польских татарах, а о татарах, которые воспринимаются как «нация», то есть как отдельная этническая группа. Король, по всей видимости, разделял эту точку зрения, что нашло отражение в его письме Барановскому от

¹⁸ Переписку, а также планы заселения татар в полном объеме можно найти в Тайном гос. Архиве (GStA II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900). Большинство текстов переговоров было опубликовано совместно с вкладышами-описями татарских семей, а также с информацией о питании, содержании и униформе. Материалы дополнены итоговым отчетом Шрёттера, датируемым тем же числом и опубликованным в монографии Иоганна Давида Дцингеля «История Королевского Уланского полка», Потсдам, 1858, с. 180–190 (Dziengel «Geschichte des Königlichen Zweiten Ulanen-Regiments», Potsdam, 1858, S. 180–190), которая содержит также исторические сведения о полке Товарищ (нем. Towarczys) начиная с 1675 года; историю босняков с 1745 года; историю татарского полка с 1795 года; историю королевского полка Товарищ (нем. Towarczys) с 1800 года, частично входившего в основной состав полков Пруссии. Об этом свидетельствуют материалы Тайного гос. Архива (Письмо Шрёттера Фридриху Вильгельму II от 18 сентября 1795 г. – GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 53–69).

¹⁹ Письмо Барановского от 26 июля 1795 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 2–3]. В этом же деле также предписания Кабинета министров с указаниями для Шрёттера относительно проведения проверки и составления заключения от 8 августа 1795 г. См. также: GStA, II. HA, Rep. 9 CXI, Nr. 214 (Акты о создании отряда татар). См. также [Müller 1936, с. 57], [Wasicki 1964, с. 114].

²⁰ См. о семье Барановских в [Dziadulewicz, 1929, с. 47–52].

²¹ Фридрих Леопольд Рейхсфрайхер фон Шрёттер (1743–1815), см.: [Krause, 1891, с. 579–582].

²² Отчет Шрёттера Королю от 16 августа 1795 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 4–5].

23 августа 1795 года, в котором он также прокомментировал религиозный вопрос: «Вам и Вашей нации будет предоставлена свобода вероисповедания, а также будет предоставлен священнослужитель»²³.

Тем временем Шрёттер обратился к проповеднику Оттеху для того, чтобы разъяснить вопрос об отказе от преподавания христианской религии для татарских детей в школе, а также ходатайствовал о предоставлении имама для татар, находившегося на прусском содержании²⁴. Он также продолжил вести переговоры с Барановским и Гюнтером, в которых обсуждались прежде всего военные детали, такие как численность соединений, чины дворян в качестве офицеров, а также статус прусских уланов как унтер-офицеров, поскольку они относились к низшему дворянскому сословию. В ходе переговоров было отмечено, что срок службы должен был составлять двенадцать лет, а рекруты не должны были быть старше 30 лет. Были проведены переговоры о размерах жалованья, военной форме и вооружениях, о поселении в гарнизонах, об обеспечении людей и лошадей, о пополнении конной гвардии. Далее обсуждались вопросы командования и обучения, продвижения по службе, а также дисциплинарные взыскания. В целом подробности ведения переговоров находят документальное подтверждение в протоколе, состоящем из 40 пунктов, который походил на уже существующие правила поведения и взаимоотношения с «босняками»²⁵.

Особый интерес вызывает принятое узаконение, согласно которому офицеры и унтер-офицеры могли получить повышение по службе только в пределах татарского полка, то есть не должно было быть никаких переводов из других немусульманских или нетатарских военных частей. Кроме того, на переходный пе-

риод было разрешено прикомандировать на обучение нескольких офицеров и унтер-офицеров, являвшихся мусульманами, из полка «босняков». Польский язык по-прежнему оставался языком военного общения²⁶.

Следующие пункты, указанные в протоколе, подробно регламентировали порядок создания колонии. Было указано, что каждая семья, у которой было по меньшей мере один или два сына, имела право на земельный надел в две гуфы²⁷, а семьи с тремя или четырьмя сыновьями – на три гуфы земли. Эти земли облагались налогами по процентным ставкам, но освобождались от уплаты процентов в течение первых нескольких лет, либо эти процентные ставки были снижены, если государство предоставляло финансовую помощь в корчевании, мелиорации и рекультивации земли. Также предоставлялись либо освобождение от уплаты налогов сроком на шесть лет, либо древесина для строительства жилого дома. Офицеры, имевшие военные заслуги, получали права землевладельцев-дворян и, в отличие от других татарских поселенцев, они были освобождены от поставок продовольствия в гарнизоны. Всем семьям были предоставлены многочисленные финансовые льготы, такие как налоговые и беспощинные пособия, которые уже были предоставлены многим другим колонистам в Бранденбург-Пруссии в XVIII веке²⁸. Большое значение было уделено тому, чтобы дома и территории колонии были расположены близко друг к другу и тем самым могла осуществляться взаимопомощь, то есть создавалась своеобразная новая социальная среда²⁹.

Однако решающее значение в этом деле имели религиозные вопросы. Поэтому было решено, что по меньшей мере для ста семей должен был быть предоставлен имам, находящийся на жаловании прусского государства, который также должен был взять на себя религиозное обучение детей. Он получал от государства земельный надел в три гуфы, не облагаемый налогами. Но дополнительное вознаграждение предоставлялось самой общиной³⁰.

²³ Письмо Короля Барановскому из Потсдама от 23 августа 1795 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 13].

²⁴ Письмо Шрёттера Оттеху от 6 сентября 1795 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 17].

²⁵ См. подробнее о переговорах в документах Секретного государственного архива: GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 18. О военных штрафах и существовавших судебных правилах см.: [Müller, с. 57], [Dziengel, с. 192]. Сведения также подтверждаются материалами Секретного государственного архива: GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 121 (Фридрих Вильгельм II от 10 ноября 1795 г.).

²⁶ Протокол, пункты 1–25 от 18 сентября 1795 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 53–58], перепечатано также в: [Dziengel, с. 180–185].

²⁷ Гуфа – земельная мера, различная по местностям, от 7 до 15 га.

²⁸ Ср.: [Dziengel, с. 185 и сл.].

²⁹ Там же, с. 186.

³⁰ Там же.

То же самое относилось и к учителю, не находящемуся на религиозной службе, который получал земельный надел в две гуфы. Татары специально просили кого-то, кто научил бы «их детей всем вещам, преподаваемым в немецких школах», что означало явное желание, а также стремление к интеграции в жизнь государства и равноценному отношению к ним. Однако вопрос о полной интеграции в жизнь прусско-германского общества оставался все же открытым³¹. Это желание имело и со стороны Бранденбург-Пруссии.

Чтобы подчеркнуть готовность принять татар на поселение, помимо обязательного назначения имама, было предусмотрено строительство мечети за государственный счет на каждые двести татарских семей³².

В новейшей истории западной и центральной Европы, за исключением Польши и Литвы, эта уступка являла собой настоящее новшество, особенно если принимать во внимание конфликты с Османской империей на религиозной почве или реконквисту в Испании, а также гонения на мусульман в 1614 году³³.

Далее речь шла о традиционных привычках, сохранение которых также затрагивалось: «Поскольку они, согласно своим законам, стригли волосы коротко по окружности головы, просим Вас, Ваше Величество, разрешить всем стричь волосы так же, либо заплетать их в косу»³⁴.

Приведенный выше пассаж примечателен тем, что он свидетельствует об «изолированном существовании военных и гражданских лиц». В дополнение к ранее сформулированной просьбе о сохранении польского языка в качестве языка военного общения можно поставить вопрос о том, насколько глубоким было желание интеграции. Ввиду весьма неоднородного состава населения в Бранденбург-Пруссии, стало очевидным отсутствие гомогенного общества, в котором должна была произойти интеграция татар. Полиэтнический и многоконфессиональный образ Бранденбург-Пруссии сформировался именно из-за постоянных миграций в течение столетий и сдерживался только благодаря «стержню» прусской государственности. В

этом отношении татары полностью подчинялись требованиям договора и прусской государственности.

Уже в то время, когда велась работа по поиску и агитированию достаточного количества семей, Барановский и Гюнтер начали размещать татарское соединение у «босняков», как того потребовал Королевский Ордер от 20 ноября 1795 года.³⁵

До получения согласия от короля Барановский и Гюнтер совместно разработали Положение об обеспечении обмундированием и продовольствием. Кроме того, они отправились к гарнизонам Янова, Одельска, Новый Двора, Суховоли, Гонёндза, Райгруда, а также Августова, который должен был послужить своего рода военным штабом татар.³⁶ Здесь необходимо было предпринять особые меры для вновь прибывших военнослужащих и членов их семей. Новые «пруссские солдаты» были разделены на пять эскадронов.³⁷

Среди первых завербованных татар всего насчитывалось 19 обер-офицеров, семь унтер-офицеров, а также девять уланов³⁸. Их количество быстро увеличилось до 21 обер-офицера, десяти унтер-прапорщиков, пяти сержантов, 90 уланов (из них 75 конных воинов), 15 унтер-офицеров, трех трубачей, четырех хирургов, трех знаменосцев, 59 простых и 23 вьючных лошадей.³⁹ В их число входили также многочисленные командированные солдаты из «босняков».

³⁵ «Нам удалось сформировать татарский полк из 5 эскадронов из числа завербованных жителей-татар, проживающих в новозаселенной области вблизи реки Неман на юге Пруссии. Вы, Янус Мурза Барановский, назначаетесь главнокомандующим, а Якуб Мурза Барановский – подполковником и командиром». (Приказ о формировании татарского полка от 20 ноября 1795 года. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neustpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 121].

³⁶ Ср. [Wąsicki 1964]. См. Также: GStA, II. HA, Rep. 11 Neustpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 75, 83–90.

³⁷ Впервые упоминаются при перечислении национальных и новосозданных подразделений от января 1796 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neustpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 196f.], а также при перечислении семей колонистов [GStA, II. HA, Rep. 11 Neustpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 63f.].

³⁸ GStA, II. HA, Rep. 11 Neustpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 63f.

³⁹ Списки пополнения и состава войск от июня 1796 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neustpreußen, VI, Nr. 1901, Bl. 93f.].

³¹ Там же.

³² На каждые двести семей предоставляется небольшой дом для поклонения Богу – мечеть, которую содержит коммуна). См. Там же, с. 186.

³³ К вопросу о поселении и интеграции мусульман на польско-литовской территории см. в [Tyszkiewicz 2012, с. 21–28].

³⁴ См. [Dziengel, с. 187, 192].

Количество солдат соединения, которое с этого времени именовалось «татарским полком», колебалось и насчитывало более 500 человек. Большая часть этих мужчин прибыли вместе со своими семьями из районов бывшей восточной Польши и Литвы, с 1795 года оккупированных русскими войсками, то есть из основных мест проживания липкинских татар. Кроме того, чуть меньшее количество семей прибыло из региона южной и нововосточной Пруссии. В национальный состав жителей Пруссии того времени входило также некоторое количество татар, перешедших на службу в прусскую армию из Крымского ханства, другие семьи переехали из оккупированной Австрией территории к югу и востоку от Варшавы, которая впоследствии получила название Западной Галиции.⁴⁰

Основная проблема во всей (нововосточной) Пруссии состояла в языке. Лишь немногие жители владели немецким языком, и лишь несколько прусских административных сотрудников и военнослужащих владели, в свою очередь, польским. Гюнтер отмечал, что имелись чрезвычайные трудности в «обучении на прусской службе», которые были связаны с тем, что унтер-офицеры имели различный уровень квалификационной подготовки, и это объяснялось «проблемой коммуникации на польском языке»⁴¹. Однако уже несколько месяцев спустя были совершены первые успешные попытки обучения, поскольку метод взаимопонимания Гюнтера стал приносить свои плоды: «Я нахожу, что татары, действительно, подготовлены лучше, чем я мог себе представить после того неведения, в котором они жили до этого».⁴²

Одним из оснований для того была первая инструкция Гюнтера к обучению верховой езде и маршированию, составленная им самим на польском языке.⁴³ Инструкция основывалась на новом кавалерийском регламенте 1793 года. 18 октября 1796 года она была официально пред-

ставлена кабинетом министров и полностью переведена для татар на польский язык, однако при условии, что переводчик сначала будет тщательно проверен на предмет его конфиденциальности и надежности. Кроме того, офицеры полка должны были прочитать и выучить перевод, но при этом они не должны были пользоваться оригиналами. Было также подчеркнуто, чтобы опытные прусские офицеры оказывали помощь при изучении.⁴⁴

То, что оригинал инструкции татарам не был представлен, объяснялось в меньшей степени недоверием и в большей степени осознанием того, что одного перевода прусского регламента будет недостаточно, поскольку он должен был предоставлять связь в широком содержательном плане. Однако эта взаимосвязь, касающаяся обычного ведения службы, была для татар еще неизвестной.

Параллельно с прусской стороны можно было наблюдать внимание к изучению польского языка, которое должно было увеличиться благодаря обнародованию незадолго до этого ордера кабинета министров от 14 сентября 1796 г. Однако обучение языку было связано скорее с прагматичными, нежели с идейными интересами. После этого пришли к выводу о том, что не нужно понимать культуру, а нужно лишь изучать язык жителей.⁴⁵

Наряду с программой обучения и обычной службой, которую татары исполняли вместе с босняками, была определена роль татар и в их семейной жизни. Члены семьи считались частью режима, и, таким образом, военные, благодаря школьным урокам и пособию по уходу за детьми, заботились обо всех детях младше 13 лет. Эти небольшие субсидии родители получали ежемесячно.

В соответствующих списках наряду с этими выплатами были также указаны имена и дни рождения детей. Примечательно, что с 1796 года, с началом рекрутизации, количество детей увеличивается. В феврале 1796 года татарский полк насчитывал всего 127 мужчин, 25 женщин и 45 детей (из них 23 мальчика и 22 девочки)⁴⁶, в декабре 1797 г. количество детей увеличилось

⁴⁰ Сведения взяты из: GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900 (за 1795 г. – Bl. 196–199), Nr. 1901 (за 1796 г. – Bl. 36–40, 56–59, 93–96, 104–107, 116–119, 218–221, 235–238, за 1797 г. – Bl. 243–246, 272–275), Nr. 1902 (за 1797 г. – Bl. 9–13, 53.f., 172–176, 251–254), Nr. 1903 (за 1799 г. – Bl. 3–6).

⁴¹ Письмо Гюнтера из Закрочима от 6 декабря 1795 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 133–134].

⁴² Письмо Гюнтера Королю от 30 июля 1796 г. См. в [Dziengel, с. 193].

⁴³ См. там же.

⁴⁴ Приказ правительства от 18 октября 1796 г. См. там же, с. 193 и далее.

⁴⁵ См.: [Cieśla 1961, с. 95 и далее].

⁴⁶ Национальные формирования, февраль 1796 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900, Bl. 199].

на 97 (из них 58 мальчиков и 39 девочек)⁴⁷, а в декабре 1798 года их число выросло до 101 (63 мальчика и 38 девочек).⁴⁸ При этом следует учитывать, что речь идет об увеличении числа детей в возрасте до 13 лет, детей старше этого возраста не включали в статистические сведения. Интересно также то, что начиная с 1796 года детям при рождении все чаще давали такие имена, как Фридрих, Кристиан, Александр, Леопольд, Иоганн, Генриетта, Готтлиба, Елизавета, Розалия, Жозефа; помимо традиционных имен, встречались такие, как Мустафа, Януш, Авраам, Махомет, Марианна, Ася, Каролина или Анна, что позволяет сделать вывод о явном влиянии новой социальной среды.⁴⁹

Новые гарнизоны располагались близко к границе с соседней восточной Пруссией, например в Райгруде. Этот небольшой город был расположен прямо на границе с восточной Пруссией вблизи озера. Сегодня город насчитывает чуть более 1500 жителей и считается лишь местом проезда в направлении литовской границы. В XVIII веке, наоборот, это был процветающий торговый город в отличном месте прямо на границе, к тому же в районе, богатом лесами и рыбой. Кроме того, он был удачно расположен и отлично защищен со стратегической точки зрения. В этой связи совсем не удивительно, что за этот небольшой городок постоянно велись бои.

Помимо почти 900 жителей, к населению города причислялась также довольно большая еврейская община – около 400 членов, которые, однако, не имели права на гражданство. Здесь поселилось более 40 торговцев наряду с разнообразными ремесленниками, работниками лесного хозяйства, рыбаками и простыми фермерами. Один татарский фельдшер оказывал первую медицинскую помощь.⁵⁰ Кроме того, здесь находились небольшая ратуша, церковь, кирпичный завод, водяная мельница, восемь хар-

чевен, одна пивоварня, а также девять вино-водочных заводов. Речь шла о небольшом, но не зажиточном состоянии.⁵¹ Гарнизонная жизнь, напротив, была значительно оживленнее, чем в других отдаленных приграничных городках. С появлением татарского гарнизона численностью в 87 человек жизнь изменилась, поскольку Райгруд до этого никогда не был гарнизоном.

Лошадям доставляли корм. В городе внезапно возросла потребительская способность. Изготавливали и реставрировали униформу. Семьи нуждались в продуктах питания, вещах первой необходимости. Всего насчитывалось 158 домов, 74 хлебов и 116 полей, этого едва хватало, чтобы обеспечить семьи солдат всем необходимым. Несмотря на то что Райгруд был процветающим пограничным городком, данное обстоятельство необходимо рассматривать с учетом мазурских окрестностей. Пока строились новые дома, солдатам и их семьям было предоставлено жилье прусских жителей. В маленькой сельской школе неожиданно появились новые ученики в количестве 21, которые, кроме всего прочего, отличались своим внешним видом и религией, но все же говорили на одном и том же языке. Сведения о возможных нарушениях, эксцессах, либо неподобающем поведении этих учеников в то время до нас не дошли. Напротив, казалось, что они влились в новое общество.

В качестве духовных наставников назначались имамы, которым было установлено жалование, несмотря на то что не последовало фактического учреждения колонии, а большинство семей чаще проживало в гарнизонных квартирах, лишь некоторые воспользовались возможностью проживать в новых поселениях.⁵² Большая часть солдатских семей не оставила свои родные города в Нововосточной и Южной Пруссии, в отличие от того, что ожидали Шрёттер и Барановский. Хотя количество семей, готовых переселиться, возросло (в 1795 году – 27 семей, а в ноябре 1796 г. – 45 семей), поиск подходящего места и административные

⁴⁷ Национальные формирования, декабрь 1797 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1902, Bl. 176]. Численность мужчин увеличилась до 222, женщин – до 63.

⁴⁸ Национальные формирования, декабрь 1798 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1903, Bl. 252]. Численность мужчин увеличилась до 361, женщин – до 90.

⁴⁹ Ср. численность детей в материалах Секретного государственного архива [GStA, I. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1901 (за 1796 г. – Bl. 122–124, 208, 229, 251), Nr. 1902 (за 1797 г. – Bl. 6, 164f.).

⁵⁰ [Wąsicki, с. 89–91], ср. [Sobolewski 2009, с. 5–8], [Sobolewski 2009a, с. 41–68, 42 и далее].

⁵¹ Ср.: [Szlaszyński, 2009, с. 33–40].

⁵² Сохранился запрос майора фон Шиммельпфеннига от 30 июля 1803 г., который просил о назначении нового имама, способного стать духовным наставником. См.: [GStA, II. HA, IV, Rep. 70, Nr. 62, Bd. 2].

препятствия замедляли этот процесс⁵³. В конце концов, планы о переселении татар были отложены в результате сбора подписей в договоре об организации колонии согласно последовавшему замеру земельных участков. Так, 38 семей отказались поставить свои подписи, так как они «не обладали необходимым имуществом» для обустройства своего хозяйства, другие 7 семей ставили невыполнимые условия, от 23 семей следовали «похожие объяснения».⁵⁴

Сложно найти объяснение отказу татар от переселения. В любом случае этот отказ не зависел от самой военной службы или слишком плохих условий проживания. Об этом свидетельствует незначительное дезертирство в количестве 5 мужчин в месяц, причем часть из них были рецидивистами.

С другой стороны, случаев пополнения армии мусульманских солдат было больше, чем случаев дезертирства.⁵⁵ Большой переполох вызвало дезертирство молодого военно-полевого хирурга по имени Ферлау, который на Рождество 1796 г. незаконно покинул свое подразделение и, несмотря на многочисленные предупреждения, не вернулся обратно.⁵⁶

Полонизация внутри кавалеристов полка, усиленная после третьего раздела Польши, вела к тому, что кавалеристы должны были перейти в прусско-польский полк «Товарищ». Однако судьба татар оставалась нерешенной. Количество завербованных солдат не достигло численности одного полка, как когда-то на это надеялись Барановский и Гюнтер. Также не нашлось достаточного количества семей, чтобы создать собственную новую колонию татар, поскольку было сложно уговорить их уйти.

Было принято решение присоединить татар в качестве отдельного эскадрона в новый уланский полк «Товарищ». Это было осуществлено под руководством генерала фон Гюнтера. Однако вскоре служба в таком эскадроне стала не очень привлекательной, и призывники-татары

не переходили в новый полк. С присоединением в новый, в основном польский полк, татары потеряли свою автономию в составе бранденбург-прусской кавалерии. Такой результат последовал также вследствие того, что приказы могли отдавать немцы или поляки в качестве непосредственных военачальников. Данное условие татарская аристократия не желала признавать. С другой стороны, они боялись за свою дальнейшую карьеру. В списке 1800 г. среди офицеров находилась почти в полном составе лишь семья Барановских.⁵⁷

С этих пор число вышедших в отставку постоянно увеличивалось, при этом было издано предписание короля о том, что подобным действиям не следует препятствовать. Полковник Барановский в 1802 году ушел в отставку, а в следующем году – его племянник, который служил премьер-министром в полку татар. 30 марта 1806 г. вышли в отставку также остальные Барановские, которые получали высокую пенсию в размере от 120 до 600 талеров.⁵⁸

Не только непроизошедшее формирование первоначального полка татар, но и первое неудавшееся поселение, а также многочисленные бюрократические препятствия относительно передачи земель по мере попыток колонизации способствовали снижению заинтересованности со стороны татар. Таким образом, король должен был сам вмешаться и принять меры, так как некоторые государственные лица не хотели признавать передачу изначально польского имущества по наследству и получать его по мере обмена на земли, которые было нужно колонизировать, чему татары в действительности сопротивлялись. Так, король писал, что следует избегать всего, что связано с участием потомков татар.⁵⁹

После этого эскадрон татар «Товарищ» постоянно уменьшался, он был расформирован согласно указу Кабинета министров от 27 марта 1806 г. После поражения при Йене и Ауэрштедте в этом же году Пруссия фактически распалась, потеряла свои завоеванные польские колонии и армия самоликвидировалась.

⁵³ Список 45 татарских семей, которые хотели переселиться, от 18 ноября 1796 г. [GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1901, Bl. 263f.].

⁵⁴ [Müller, с. 61]. См. также: Протокол Шпрёттера из г. Суховоля от 29 мая 1797 г. [GStA, II. HA, Rep. 11, VI, Nr. 1902, Bl. 112–115]; Письмо Шпрёттера из Кёнигсберга от 3 июня 1797 г. [GStA, II. HA, Rep. 11, VI, Nr. 1902, Bl. 100f.].

⁵⁵ Дополнительные и национальные военные формирования [GStA, II. HA, Rep. 11 Neuostpreußen, VI, Nr. 1900–1903].

⁵⁶ Дела о дезертирах [GStA, II. HA, Abt 2 Tit. XCVI Nr. 1 Invalidensachen, Bl. 2].

⁵⁷ Расположение эскадрона татарских военнослужащих от 29 марта 1800 г. [GStA, II. HA, Rep. 11, VI, Nr. 1225, Bl. 14].

⁵⁸ См. дела о выходах в отставку 1800, 1803 и 1806 гг. [GStA, II. HA, Rep. 4, 70, Nr. 62 Bd. 1, Bl. 43, Bd. 2., Bl. 106–108, Bd. 3, Bl. 50]

⁵⁹ Фридрих Вильгельм II восточно-прусскому парламенту в Белостоке от 23 января 1799 г. [GStA, II. HA, Rep. 11, VI, Nr. 1902, Bl. 260–262]

Впоследствии о татарах встречаются лишь краткие заметки, где упоминаются их экзотические черты лица, происхождение, регион проживания, их мужество и роль в полку. В докладах сообщается об их тесной связи с Польшей и исламским вероисповеданием. Прусские татары упоминаются лишь в статистических данных о населении Нововосточной Пруссии.⁶⁰ Вместе с упразднением этой провинции была утрачена и память о прусских татарах.

Литература

Baillieu 1880 - Baillieu Paul, Ewald Graf von Hertzberg, in: Allgemeine Deutsche Biographie (ADB), Leipzig 1880, Bd. 12, S. 241–249.

Cieśla 1961 - Cieśla Michał, Język polski w szkołach berlińskich w latach 1797–1807, in: Rozprawy z Dziejów Oświaty. Wrocław 1961, Bd. 4, S. 95–102

Dziadulewicz 1929 - Dziadulewicz Stanisław, Herbarz Rodzin Tatarskich w Polsce, Wilno 1929.

Dziengel 1858 - von Dziengel Johann David, Geschichte des Königlichen Zweiten Ulanen-Regiments, Potsdam 1858.

Hassel 1805 - Hassel Georg, Statistischer Umriss der sämtlichen europäischen Staaten in Hinsicht ihrer Bevölkerung, Kulturverhältnisse, Handlung, Finanz- und Militärverfassung und ihrer außereuropäischen Besitzungen, Braunschweig 1805

Krause 1880 - Krause Gottlieb, Friedrich Leopold Freiherr von Schrötter, in: (ADB), Leipzig 1880, Bd. 32, S. 579–582.

Lehmann 1881 - Lehmann Max, Preussen und die katholische Kirche seit 1640. Nach den Acten des Geheimen Staatsarchives. 2. Theil. 1740–1747, Leipzig 1881.

Meyer 1891 - Meyer Christian, Geschichte der Provinz Posen, Posen 1891.

Müller 1936 - Müller August, Die Preussische Kolonisation in Nordpolen und Litauen (1795–1807), Berlin 1936.

Porsch 1897 - Porsch Rudolf, Die Beziehungen Friedrichs des Grossen zur Türkei bis zum Beginn und während des siebenjährigen Krieges, Marburg 1897.

Pröhl 1986 - Pröhl Karl, Die Bedeutung preußischer Politik in den Phasen der orientalischen Frage. Ein Beitrag zur Entwicklung deutsch-türkischer Beziehungen von 1606 bis 1871, Frankfurt a.M. u.a. 1986.

Sobolewski 2009 - Sobolewski Janusz, Rajgród i okolice w wydarzeniach insurekcji kościuszkowskiej i powstania listopadowego, in: 496. Rocznica Urodzin Województwa Podlaskiego, Białystok 2009, S. 41–68.

Sobolewski 2009a - Sobolewski Janusz, Szkic do dziejów ziemi rajgordzkiej, in: Józef Golubiewski/Irena i Jadwiga Prostko (Hg.), Opowieści i pieśni znad Jezrzni, Rajgród 2009, S. 5–8.

Stadelmann 1882 - Stadelmann Rudolph, Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landescultur. 2. Teil: Friedrich der Grosse, Leipzig 1882.

Szlaszyński 2009 - Szlaszyński Jarosław, Handlowe znaczenie Rajgrodu na Początku drugiej połowy XVIII wieku, in: 496. Rocznica Urodzin Województwa Podlaskiego, Białystok 2009, S. 33–40.

Theilig 2008 - Theilig Stephan, Die erste osmanische Gesandtschaft in Berlin 1763/64. Interkulturalität und Medienereignis, in Joachim Eibach/Horst Carl (Hg.), Europäische Wahrnehmungen 1650–1850. Interkulturelle Kommunikation und Medienereignisse, Hannover 2008, S. 131–160.

Tyszkiewicz 2012 - Tyszkiewicz Jan, Religijność muzułmanów litewsko-polskich x XVI–XVIII w. w ocenie chrześcijan, in: Martin Klapetek/Marta Wisy-Behiesse (Hg.), Islam w Europie, Warszawa 2012, S. 21–28.

Wąsicki 1964 - Wąsicki Jan, Pruskie opisy miast polskich z końca XVIII wieku: departament białostocki, Poznań 1964.

Zedlitz-Neukirch 1836 - von Zedlitz-Neukirch Leopold (Hg.), Neues preußisches Adels-Lexicon, Leipzig 1836, Band 2.

⁶⁰ Cp.: [Hassel, 1805, c. 9, 31].

ПРУССИЯ ТАТАРЛАРЫ – ЛИПКА ТАТАРЛАРЫ МИСАЛЫНДА ИРТӘ ЯҢА ЧОРДА (1795-1800 ЕЛЛАР) ПРУС АРМИЯСЕНДӘГЕ МИГРАЦИЯ ҺӘМ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОЦЕССЛАРЫ^{1, 2}

Штефан Тайлиг,
Бранденбург-Пруссия музейе,
Кавказ, татарлар һәм Төркестанны өйрәнү Институты
(ICATAT) (Берлин бүлеге)
Германия, 16818, Вустрау ш., Айхеналлее ур., 7 нче а йорт
stephan-theilig@web.de

XVIII гасырда мөселман дине вәкилләреннән аерым кешеләрнең, шулай ук зур булмаган төркемнәрнең Бранденбург-Пруссиягә³ миграциясе, шул исәптән көчлөп күчәрәп урнаштыру алман теленә көнчыгыш алынмалары кабул ителү процессына яңача карарга мөмкинлек бирә. Шулай ук вакытта «босняклар» яки «татарлар полкы» кебек хәрби берләшмәләрдә «чит ил кешеләре» сыйфатында хезмәт иткән мөселман солдатлары тормышын жентекләп өйрәнергә мөмкинлек барлыкка килә. Солдатларның бер өлеше үз гаиләләре белән яши, бер өлеше исә гарнизонда яңа гаиләләр корә. Әлеге мәкаләнең максаты – мөселман солдатларны Бранденбург-Пруссиягә күчәрәп урнаштыру, шулай ук шуның белән бәйле булган мөселман колонияләрен төзү процессларын жентекләп һәм системалы рәвештә тасвирлау.

Төп төшенчәләр: Бранденбург-Пруссия, прус армиясе, мөселман солдатлары, липка татарлары, миграция, мөселман колонияләре.

¹ Липка татарлары, липкалар (Польша-Литва яки белорус татарлары) –Белоруссия, Литва, Польша һәм кайбер башка илләрдә яшәүче татарларның мөстәкыйль этнотерриториаль берлеге (Тәржемәче искәртмәсе).

² Мәкалә материаллары нигезендә Хәрби тарихны өйрәнү мәсьәләләре комитеты тарафыннан Оснабрюк университетының Миграция һәм мәдәниятара тикшеренүләр институты (ММТИ) белән хезмәттәшлектә оештырылган «Антик чордан алып хәзергә вакытка кадәр сугыш, хәрбиләр һәм мобильлек» конференциясендә ясалган һәм мәкалә исеме белән тәңгәл килгән чыгыш ята. Мәкалә кулъязмасына шулай ук «18 гасырда Бранденбург-Пруссиягә күчеп китәргә мәжбүр булган төрки, мавр һәм татарлар тарихында социомәдәни бәйләнешләр, мәдәниятара трансформация һәм трансформация процесслары» дип аталган диссертациябездән өзекләр дә урнаштырылды. Әлеге диссертация Гумбольдт исемендәге Берлин университетының сәнгать факультетына тикшерелүгә кабул ителеп, 2013 нче елның 19 нчы февралендә уңышлы якланды һәм Берлинның «Франк унд Тимме» нәшриятында басылып чыкты: Theilig, Stephan. *Türken, Mohren und Tataren: Muslimische (Lebens-)Welten in Brandenburg-Preußen im 18. Jahrhundert (Kulturen – Kommunikation – Kontakte)*. Berlin: Frank & Timme 2013).

³ Бранденбург-Пруссия (нем. Brandenburg-Preußen) – 1618 нче елда Бранденбург маркграфлыгын һәм Пруссия герцоглыгын берләштерү юлы белән төзелгән алман кенәзлеге (Тәржемәче искәртмәсе).